

УДК 81-22

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-2-0-2

Кураш С.Б.¹
Амагов А.М.²
Свищёв Г.В.³

**ВОЕННАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ТАКТИКА И СТРАТЕГИЯ**

- ¹⁾ Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина
ул. Студенческая, 28, г. Мозырь, 247760
Беларусь
E-mail: text2005@mail.ru
- ²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015
Россия
E-mail: amatov@bsu.edu.ru
- ³⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015
Россия
E-mail: svishchev@bsu.edu.ru

Аннотация. В современной политической коммуникации одной из главных задач выступает формирование образа определённого политика, направленного на создание определённого имиджа. Этот имидж может быть как положительным, привлекательным для общества, что является ключевым средством воздействия на массовое сознание и способствует продвижению своих целей, так и отрицательного, что нередко используется политическим деятелем с целью дискредитации оппонента в условиях жёсткой конкуренции и политической борьбы. Основная, информативная функция средств массовой коммуникации в современном информационном обществе меняет характер своего воздействия, трансформируясь в функцию манипулятивную. В качестве одного из инструментов манипулятивного воздействия на аудиторию выступает метафора. Активное употребление метафор в политическом дискурсе обусловлено их способностью влиять практически на каждый из этапов решения проблем в политической сфере: осмысление проблемной ситуации, поиск вариантов её разрешения, оценка альтернатив, выбор варианта. Теоретическое изучение и последовательное описание политических метафор представляется одним из наиболее перспективных и динамично развивающихся течений в современной лингвистике, в частности – в области дискурс-анализа. Метафорическая картина мира отражает специфику национального сознания и способов мышления, свойственных тому или иному периоду политической жизни государства. Одним из видов политической метафоры, занимающих центральное место в политическом дискурсе любого государства, является военная (милитарная) метафора. В статье рассматриваются особенности функционирования военных метафор в современном политическом дискурсе, раскрывается их роль в реализации глобальной коммуникативной стратегии «Мы и Они» и вытекающие из неё тактические ходы.

Ключевые слова: политический дискурс, военная метафора, поляризация, коммуникативная стратегия.

Sergey B. Kurash¹
Alexander M. Amatov²
Gennady V. Svishchov³

**MILITARY METAPHOR IN POLITICAL DISCOURSE:
TACTICS AND STRATEGY**

¹⁾ Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakina
28, Studencheskaya St., Mozyr, 247760
Belarus
E-mail: text2005@mail.ru

²⁾ Belgorod State National Research University
14 Studencheskaya St., Belgorod, 308007
Russia
E-mail: amatov@bsu.edu.ru

³⁾ Belgorod State National Research University
14 Studencheskaya St., Belgorod, 308007
Russia
E-mail: svishchev@bsu.edu.ru

Abstract. One of the main tasks of political communication is to create and promote the image of a politician. The process is aimed at creating both a positive image that is attractive to society, which is a key factor of influencing mass consciousness and pursuing their goals, as well as the negative one used by a politician to discredit their opponents in a tough competition of modern policies. In the modern information society, the main function of the mass media – Informative – changes its nature and is transformed into a manipulative function. One of the tools of manipulating the audience is a metaphor. The active use of metaphors in political discourse is due to its ability to influence each of the stages of solving problems in the political sphere: understanding the problem situation, finding options for solving it, evaluating alternatives, and choosing options. The theoretical study and consistent description of political metaphors seem to be one of the most promising and dynamically developing trends in modern linguistics, particularly in the field of discourse analysis. The metaphorical picture of the world reflects the specifics of the national consciousness and ways of thinking that are characteristic of this or that period of political life of the state. One of the types of political metaphor that occupies a central place in the political discourse of any state is a military metaphor. The paper deals with military metaphors functioning in political discourse. Their role in the global communicative strategy, “Them and Us” is revealed, along with the ensuing tactics.

Key words: political discourse, military metaphor, polarization, communicative strategy.

Введение

По выражению известного немецкого военного теоретика Карла фон Клаузевица, война есть продолжение политики другими средствами. Не берясь оценивать правильность данного высказывания с

военной и политической точек зрения, мы вынуждены отметить, что с точки зрения лингвистической утверждение немецкого генерала XIX века исключительно корректно.

Сразу следует подчеркнуть, что в

данной работе мы рассматриваем военные метафоры и только метафоры – случаи прямой номинации боевых действий, вооружений и т.д. нами из рассмотрения исключены. А в своих метафорах политики – сами либо со слов других политиков и журналистов, пишущих на политические темы – делают выпады и парируют, наступают и отступают, атакуют и обороняются, окапываются и идут на штурм, перегруппируют силы и ведут артиллерийские подготовки. Арсенал метафорических вооружений также впечатляет – от покрытых почтенной ржавчиной мечей, топоров и кинжалов до артиллерии, авиации и военно-морского флота. В.И. Ленин, по словам действующего президента России, даже умудрился применить ядерное оружие задолго до того, как о нём стало известно военным. В ходе проходившей недавно президентской гонки в США кандидат от Республиканской партии (ныне президент) Дональд Трамп называл себя «верным рыцарем Америки» и клялся бороться за её интересы, не щадя живота своего. В ответ кандидат от Демократической партии Хиллари Клинтон просила бога уберечь Америку от таких «верных рыцарей» и сравнила Трампа с «пушкой, которую сорвало с лафета». Одним словом, политики на словах ведут себя именно так, как действуют военные в боевой обстановке: воюют, но только другими средствами – языковыми.

Примечательно, что при таком разнообразии средств убийства и разрушения, а также способов их применения, политический дискурс довольно скуп на метафоры с обратным значением – созидания. Из более 500 случаев метафорического слово- и фразеупотребления, рассмотренных нами в связи с данной темой в русскоязычном, англоязычном и франкоязычном политическом дискурсе, буквально единицы связаны со строительством. Причём если политики что-то метафорически строят, то это, как правило,

отношения – те самые, которые они перед этим разрушили самым brutальным способом. То есть не только само количество, но и набор метафор созидательного значения в политических текстах на трёх языках, обращённых к многомиллионным (если не миллиардным) аудиториям, крайне скуден.

Эти и некоторые другие обстоятельства побудили нас к рассмотрению тактик употребления военной метафоры в политическом дискурсе, а также той глобальной стратегии, которой эти тактики подчинены.

Теоретический обзор

Последние десятилетия характеризуются повышенным вниманием современного языкознания, развивающего и дополняющего теорию метафорического моделирования, к исследованию различных аспектов политической коммуникации, определению ее языковой и дискурсивной организации, установлению вербальных инструментов управления общественным мнением со стороны институтов власти. Среди таких инструментов концептуальная метафора, применяемая политической элитой разных стран в манипулятивных целях, оказывается одним из главных и лингвокультурно значимых феноменов политического дискурса.

Роль метафоры в политическом выступлении отмечалась ещё в рамках традиционного, риторического направления. Так, анализируя выступления политиков перед избирателями, М. Осборн пришёл к заключению, что в политической речи вне зависимости от времени, культуры и географического расположения коммуникантов непременно имеют место архетипичные метафоры (*archetypal metaphors*). Политики, имеющие целью внушить какую-либо точку зрения адресату, прибегают к образам природы, света и тьмы, мира и войны, болезни и здоровья, мореплавания и навигации (Osborn 1967).

Взгляд на метафору лишь как на один из тропов, образных риторических средств, претерпел существенные изменения с выходом фундаментальной работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Авторы считают, что метафора проникает во все сферы нашей обыденной жизни и находит проявление не только в языке, но и в мышлении и действии (Lakoff, Johnson, 1980).

Согласно когнитивной методологии, реакция человека проявляется скорее не на действительность как таковую, а на его когнитивное представление о действительности. Следовательно, поведение человека детерминировано не столько объективной реальностью, сколько комплексом её ментальных проекций, и «заклучения, к которым мы приходим посредством метафорического мышления, могут создавать мотивацию для действия» (Chilton, Lakoff, 1995).

Многие научные изыскания в сфере политической метафоры проводятся в русле классического варианта теории концептуальной метафоры, но ученые совершенствуют и дополняют некоторые аспекты данной теории. В частности, А. Мусолфф в ряде исследований (Musolff 2000, 2004) высказывает мнение, что требуется переосмыслить тот подход к анализу концептуальной метафоры, при котором понимание сущностей сферы-мишени жестко детерминировано структурой сферы-источника и предлагает ввести в теорию концептуальной метафоры новый термин «концептуальная эволюция» (conceptual evolution) метафор. В политической коммуникации воплощаются разные, зачастую абсолютно противоположные по оценочному потенциалу сценарии одной и той же метафорической модели, что говорит о необходимости принимать во внимание два взаимосвязанных фактора: экспериенциальную основу (традицию) и «концептуальную гибкость», согласно которой функционирование метафоры в политической речи можно уподобить тому,

как живой организм, наделенный способностью к наследственности и изменчивости, в процессе взаимодействия с окружающей средой «эволюционирует» и «выживает» подобно прочим метафорам. Фактически, отмечается необходимость принятия во внимание дискурсивных факторов, которые в значительной степени сказываются на функционировании концептуальной политической метафоры.

Переработанный вариант теории концептуальной метафоры был представлен Д. Ричи в коннективной теории метафорической интерпретации (Ritchie 2003, 2004). Исходя из постулата о базовом ограничении мышления эмпирическим восприятием, ученый подчеркивает, что изучение метафоры должно производиться в когнитивном и коммуникативном контексте, который включает подробную репрезентацию вербальной коммуникации и предшествующий опыт ее участников (Ritchie 2003). Каждая метафора рассматривается в особом коммуникативном контексте, и индивидуальное прочтение может существенно различаться (Ritchie 2004). Более глубокими, согласно Ричи, являются взаимосвязи между концептуальными доменами. К примеру, «война» – это не обязательно доминирующий концепт для выражения спора. При анализе таких метафор как “defend”, “position”, “maneuver” или “strategy”, нельзя сразу же утверждать, имеют ли они отношение к войне, соревнованию спортсменов или игре в шахматы. Такие метафоры отражают когнитивные ответы на прототипические ситуации, а не наложение одного концепта на другой (Ritchie 2003).

В языкознании укоренились две ключевых тенденции анализа политического дискурса: дескриптивная и критическая (Fairclough 1985). Критическое направление, являющееся основным в нашем исследовании, имеет целью изучение социального неравенства, находящего отражение в дискурсе, а ученый открыто высказывается в защиту

бесправных и угнетенных. Как отмечает Т. ван Дейк, среди сторонников этого подхода «не может быть исследователей, имеющих отстраненное или равнодушное отношение к изучаемому вопросу» (van Dijk 1993: 253).

Именно в рамках последнего подхода и с использованием его методов и приёмов было проведено наше исследование.

Научные результаты и дискуссия

Процесс «милитаризации» политического дискурса отмечен не только нами. В частности, по мнению В.З. Демьянкова, «политический дискурс, чтобы быть эффективным, должен строиться в соответствии с определёнными требованиями военных действий» (Демьянков 2002: 42). В чём причина такой «метафорической воинственности» политиков из разных стран, принадлежащих к совершенно разным партиям и движениям? На наш взгляд, дело здесь в одной из глобальных коммуникативных стратегий, лежащих в основе всякого политического дискурса: бинарной поляризации «Мы и Они». В рамках данной стратегии отчётливо просматриваются две основные составные части: положительная самопрезентация (представление себя, своей политической партии, государства и т.д. в лучшем свете) и отрицательная презентация оппонента (другого политика, партии, государства и т.д.).

Война как крайняя форма противостояния не могла не породить большого количества метафор, которые в данную стратегию поляризации вписываются как нельзя лучше – в отличие от того же «строительства», например. Так, обвинение в агрессивных действиях или планах могут стать (и очень часто являются) удачным тактическим ходом в рамках отрицательной презентации оппонента. Применяя этот прием, политик (впрочем, не только политик), не меняя основного содержания высказывания (его денотата), при помощи метафоры может включать у аудитории целый «букет»

самых различных ассоциаций, импликаций или имплицатур (в зависимости от степени вовлеченности аудитории в коммуникативную ситуацию) с целью манипуляции мнениями. Согласимся: одно дело – сказать, к примеру, что «меня критикуют», и совсем другое дело – сказать, что «на меня нападают» или, еще лучше, «меня избрали целью для атаки». Рассмотрим в это связи один небольшой пример из интервью с Дженнифер Псаки, на тот момент – официального представителя Государственного департамента США:

I am just one of many American officials – especially women, I will say – targeted by the Russian propaganda machine. (Я всего лишь одна из американских официальных лиц – особенно женщин, я бы сказала – которых российская пропагандистская машина выбрала в качестве мишени).

Обычно цель подобных метафорических переносов – представление своих оппонентов агрессорами, а себя, соответственно, жертвой агрессии. Подобная поляризация, естественно, направлена на то, чтобы вызвать у аудитории сочувствие к себе (и своей политике) и осуждение оппонентов. Глагол *to target* (нацеливаться, избирать целью) подразумевает обдуманность и целенаправленность действия, что еще сильнее отягчает вину нападающих. Употребление другой военной метафоры в том же контексте, например, *'I am attacked'* (меня атакуют, на меня нападают) дало бы меньший эффект – нападение может быть спонтанным, незапланированным или даже спровоцированным.

Немаловажно и то обстоятельство, что в том же самом предложении Дж. Псаки подчеркивает, что она женщина: нападение, спланированное и хладнокровно обдуманное, да еще и на женщину, почти неизбежно вызывает у аудитории резко негативное отношение к нападающему и сочувственное – к жертве. Наконец, в этом же высказывании Дж. Псаки демонстрирует и вторую часть

глобальной стратегии «Мы и Они», а именно – прочно увязывает себя с другими американскими политиками, прежде всего женщинами, утверждая (надо сказать, без каких-либо оснований) что она – всего лишь одна из множества подобного рода жертв. Правда, здесь она уже обходится без военных метафор. То есть «российская пропагандистская машина» целенаправленно и систематически обижает не только ее одну, но и многих других американских политиков, причем женщин – в особенности.

Второй причиной преобладания военных метафор над «мирными», на наш взгляд, является сам характер войны, её динамизм и напряжённость. Военные метафоры, являясь конфликтными, отражают характерные черты политики как вида общественной практики, а в моменты кризиса помогают создать образ внешнего врага и консолидировать население для борьбы с ним. Выступающие обычно предполагают, что адресат знает, к какому лагерю относится, какую роль играет и в чем эта роль состоит. Как и действия на поле боя, политический дискурс нацелен на уничтожение «боевой мощи» противника – вооружения (т.е. мнений и аргументов) и личного состава (дискредитация личности оппонента). Поэтому присутствие данной метафорической модели в политическом дискурсе не является чем-то необычным. Доминирование данной модели подтверждает мнение А.Н. Баранова о наличии в дискурсе конфликтных метафор как особенности кризисного мышления (Баранов, 2004).

Приведём ещё один пример метафорической войны на американском политическом фронте – на этот раз из предвыборного выступления тогда ещё кандидата в президенты США Барака Обамы в феврале 2007 года в Спрингфилде, штат Иллинойс:

I was proud to help lead the fight in Congress that led to the most sweeping ethics reform since Watergate. (Я был горд тем, что

внес свой вклад в борьбу в Конгрессе, которая привела к самой широкой этической реформе со времен Уотергейта)

О какой «войне» с гордостью говорит здесь кандидат в президенты Барак Обама, утверждая, что он принял в ней деятельное участие в Конгрессе за несколько лет до выдвижения своей кандидатуры на пост президента? Очевидно, что данная «война» была на тот момент актуальна – во всяком случае, для Обамы – коль скоро он счел нужным заострить на ней внимание в своем предвыборном выступлении.

Речь здесь идет о лоббировании интересов тех или иных групп в правительстве, которое Обама называет «циничным» и с которым он боролся в Конгрессе, будучи сенатором от штата Иллинойс. Каков смысл военной метафоры в данном случае?

Дело в том, что война в принципе большинством людей воспринимается как дело серьезное, жестокое и чрезвычайно опасное. Поэтому политик, называя «войной» какое-либо противостояние, автоматически усиливает его серьезность и значимость в глазах аудитории. Далее: война требует быстрых и решительных действий. Поэтому, когда Обама говорит о том, что ведет «войну в Конгрессе», он тем самым позиционирует себя как ответственного и серьезного политика, способного предпринимать смелые действия в критической ситуации. Это уже является частью тактики положительной самопрезентации, которую обобщенно можно назвать «я ответственный политик». Одновременно с этим подспудно аудитории внушается мысль о том, что если другие политики не «ведут войну», которую ведет Обама, то они недооценивают степень угрозы и вообще являются политиками безответственными. Ну или, по крайней мере, не такими ответственными, как Обама. То есть здесь имплицитно включается и вторая часть глобальной стратегии «Мы и Они» – негативная презентация оппонентов. Имплицитно – поскольку имен Обама не

называет. Однако для людей посвящённых здесь есть импликатура, а именно – совершенно прозрачный намёк на главного конкурента Обамы на тех президентских выборах, сенатора от штата Аризона Джона Маккейна, голосовавшего против антилоббистского акта 2007 года.

Судя по тому, что это единственное место в выступлении, где Обама употребил слово «война» в метафорическом смысле (в других случаях он употребляет существительное war в прямой номинации, говоря о войне в Ираке, а слово fight не употребляет вообще), можно сделать вывод о том, какое большое значение в своей предвыборной кампании Обама придавал этим своим парламентским инициативам. А исходя из того, что именно в этой части выступления кандидат в президенты сорвал самые бурные аплодисменты аудитории (которая начала скандировать его фамилию), можно сделать вывод, что коммуникативная стратегия в целом (и умело применённая военная метафора как один из её ходов) Барак Обама удалась в полной мере.

Нередко военная метафора отсылает аудиторию к какому-то значимому для неё событию. Такое её употребление смыкается с такими коммуникативными тактиками, как «свой парень» и «защитник традиционных ценностей». Например, Франсуа Фийон, кандидат в президенты Франции на прошедших выборах, в ходе предвыборных выступлений счёл нужным прибегнуть к такому ходу:

Il y a des bastilles à faire tomber...
(Есть ещё бастилии, которые необходимо разрушить).

Апеллируя к значимому для французов событию – взятию парижской крепости-тюрьмы Бастилии, положившему начало Великой французской революции, Фийон демонстрирует тем самым единство с нацией и готовность возглавить её для новых свершений. Таким образом реализуется первая часть глобальной стратегии «Мы и Они» –

положительная самопрезентация. Примечательно, что говоря о «бастилиях», кандидат в президенты имеет в виду, в том числе, увеличение продолжительности рабочей недели, что вступает в противоречие с идеями революции. У рядовых французов, таким образом, есть все основания возразить Фийону: «Не за то наши предки Бастилию штурмовали, чтобы их потомкам рабочий день увеличивали».

Иногда политики и особенно журналисты, увлекаясь военной метафорой, явно «хлещут через край», создавая весьма причудливые образы – если, конечно, составить себе труд и представить то, что сказано или написано. Так, крупный французский ежедневник 'Le Parisien', комментируя действия министров Бенуа Амона и Арно Монтебурга, которые способствовали роспуску правительства Мануэля Вальса и затем ускорили его, называют это «выстрелом канонерки по правительственному кораблю» (*tir à la canonnière contre le navire gouvernemental*). В результате этого «выстрела» складывается драматическая ситуация: «а французы в трюме продолжают грести, без курса и капитана» (*A la soute, les Français, eux, continuent de ramer. Sans cap et sans capitaine*). Как мы ни пытались образно представить себе эту картину, так и не смогли понять: почему и, главное, как гребут французы, находясь в трюме обстрелянного канонерской лодкой правительственного корабля. Впрочем, небрежное обращение с метафорами, создающее странные и порой смешные образы – это уже тема отдельного изучения и отдельной статьи.

Заключение

Подводя итог сказанному, мы можем констатировать, что политический дискурс как разновидность институционального дискурса имеет ряд системных признаков, которые в значительной степени определяют его, природу, применяемые в

нём стратегии и тактики, в частности, обуславливая его манипулятивный потенциал. Сам характер борьбы за власть (а именно борьба за власть является одной из ведущих целей политического дискурса) соответственно структурирует политический текст и проявляется через способ общения, избираемый говорящим набор стратегий и тактик. Использование метода критического дискурс-анализа позволяет проследить влияние ментальных установок говорящего на выбор применяемых им в политическом дискурсе языковых средств для достижения вполне определённых коммуникативных целей.

Метафорическая модель «Война» востребована в современном политическом дискурсе и служит для концептуализации действительности. Входящие в её состав ментальные модели актуализируются в различных риторических стратегиях и могут варьироваться под влиянием различных факторов дискурса.

Активное использование военной метафоры указывает на наличие жестокой конкуренции не только среди ведущих политических деятелей, но и в обществе в целом. Политическая система пронизана духом милитаризма и осмысливается терминами войны. И поскольку борьба за власть является основой самого политического дискурса, в нём априорно заложена богатая основа для использования военной метафоры. Однако потенциал рассматриваемой модели к моделированию политической реальности в разной степени применяется в политическом дискурсе в зависимости от сферы метафорической экспансии.

Так, военная метафора является доминирующей в семантических оппозициях «Мы – Они», к созданию которой прибегают политики в рамках стратегии нападения и дискредитации оппонента. Важную роль в создании имиджа политического лидера играют так называемые микрополи, с которыми тот или иной политик ассоциируется у аудитории, а концептуальная метафора, в

том числе военная, является одним из ключевых средств актуализации этих микрополи в рамках доминантной коммуникативной стратегии самопрезентации. Военные метафоры являются ключевыми для экспликации микрополи агрессора, варвара, злодея с одной стороны, а также лидера, защитника и бойца – с другой стороны.

В политической коммуникации такая оппозиция является основой стратегии дискредитации оппонента, а концептуальные метафоры в качестве коммуникативного фильтра «свои – чужие» направлены на достижение следующих целей:

- а) разделение сфер интересов;
- б) репрезентация «своих» в выгодном свете с целью привлечения сторонников;
- в) формирование негативных образов репрезентации «чужих», способствующих отрицательному восприятию их деятельности;
- г) воспитание среди населения активных групп сторонников, воспринимающих окружающую действительность в соответствии с предлагаемыми метафорическими моделями.

Моделируя острые политические, социальные, экономические и другого рода проблемы жизни государства и общества в терминах войны, политики так или иначе навязывают современному обществу конфликтный путь их решения.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя: предисловие редактора / А.Н. Баранов // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 7-21.
2. Демьянков В.З. Политический дискурс

как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – №3. – С. 32-43.

3. Chilton, P. and Lakoff, G. (1995), "Foreign policy by metaphor", in Ch. Schäffner and A. Wenden (ed.) *Language and Peace*, Aldershot, Dartmouth, P. 37-59.

4. Dijk, T. A., van (1993), "Principles of Critical Discourse Analysis", *Discourse and Society*, vol. 4, #2, P. 249-283.

5. Fairclough, N. L. (1985), "Critical and Descriptive Goals in Discourse Analysis", *Journal of Pragmatics*, vol. 9, P. 739-763.

6. Lakoff, G. and Johnson, M. (1980), *Metaphors We Live by*, University of Chicago Press, Chicago, IL, USA.

7. Musolff, A. (2004), "Metaphor and conceptual evolution", *Metaphorik.de*, #7, 55-75.

8. Musolff, A. (2000), *Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany*, Iudicium, Munich, Germany.

9. Osborn, M. (1967), "Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family", *Quarterly Journal of Speech*, vol. 53, P. 115-126.

10. Ritchie, D. (2003), "ARGUMENT IS WAR" – Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors", *Metaphor and Symbol*, vol. 18, #2, 125-146.

11. Ritchie, D. (2004), "Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation", *Metaphor and Symbol*, vol. 19, #3, 233-244.

References

1. Baranov, A. N. (2004), "Cognitive theory of metaphor almost 20 years later", editorial preface in G. Lakoff and M. Johnson, *Metaphors we live by*, Russian edition, Editorial, Moscow, Russia, P. 7-21. [in Russian].

2. Demiankov, V. Z. (2002), "Political discourse as a subject of political philology", *Political science. Political discourse: History and modern research*, INION RAS, Moscow, Russia, P. 32-43. [in Russian].

3. Chilton, P. and Lakoff, G. (1995), "Foreign policy by metaphor", in Ch. Schäffner and A. Wenden (ed.) *Language and Peace*, Aldershot, Dartmouth, P. 37-59.

4. Dijk, T. A., van (1993), "Principles of Critical Discourse Analysis", *Discourse and Society*, vol. 4, #2, P. 249-283.

5. Fairclough, N. L. (1985), "Critical and Descriptive Goals in Discourse Analysis", *Journal of Pragmatics*, vol. 9, P. 739-763.

6. Lakoff, G. and Johnson, M. (1980), *Metaphors We Live by*, University of Chicago Press, Chicago, IL, USA.

7. Musolff, A. (2004), "Metaphor and conceptual evolution", *Metaphorik.de*, #7, 55-75.

8. Musolff, A. (2000), *Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany*, Iudicium, Munich, Germany.

9. Osborn, M. (1967), "Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family", *Quarterly Journal of Speech*, vol. 53, P. 115-126.

10. Ritchie, D. (2003), "ARGUMENT IS WAR" – Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors", *Metaphor and Symbol*, vol. 18, #2, 125-146.

11. Ritchie, D. (2004), "Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation", *Metaphor and Symbol*, vol. 19, #3, 233-244.

Кураш Сергей Борисович, доцент, кандидат филологических наук, доцент.

Sergey B. Kurash, Candidate of Philology, Associate Professor.

Аматов Александр Михайлович, профессор, доктор филологических наук, профессор.

Alexander M. Amатов, Doctor of Philology, Professor.

Свищёв Геннадий Владимирович, доцент, кандидат филологических наук, доцент.

Gennady V. Svishchov, Candidate of Philology, Associate Professor.